

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2020.46.69.036

Социально-культурная сфера как среда и цель развития экономических систем

Точиев Альберт Алиханович

Бакалавр,
Московский финансово-юридический университет,
117342, Российская Федерация, Москва, ул. Введенского, 1-а;
e-mail: al_tchv@mail.ru

Аннотация

В работе показано, что в современных условиях развития экономической науки уже недостаточно утверждать об экуменизме англосаксонского социокультурного паттерна утилитарного гомоэкономикса, который взвешивает альтернативы максимизации выгоды в условиях полной информированности благодаря сигнатуре цен свободного, открытого и прозрачного рынка как универсальную модель – единый прообраз человека для каждой страны переходной экономики, что должно гарантировать успех реформ и рост благосостояния. Не самым влиятельным ресурсом развития в праксеологических практиках выступает сама культура, которая и является имплицитным содержанием рациональности мышления, ведь (как утверждают представители поведенческой экономики) можно рационально максимизировать полезность в условиях альтернативных праксеологических актов, считая при этом контрагента дураком. Культурная ментальность обуславливает предпочтение в условиях ограниченной рациональности, где выбор часто аксиологически нарративный с элементами атрактивности, а не рафинированного жадности. Теоретические исследования о социокультурные импликации экономических систем и культурные нарративы экономических трансформаций приобретают безусловной актуальности и эмпирической значимости, особенно в условиях вызовов для экономик переходных обществ.

Для цитирования в научных исследованиях

Точиев А.А. Социально-культурная сфера как среда и цель развития экономических систем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 4А. С. 297-304. DOI: 10.34670/AR.2020.46.69.036

Ключевые слова

Интегральная функция, траектория движения, экономическая система, цель, среда.

Введение

Согласно самому общему определению аттрактивность – это интегральная функция надсистемного целого, включающего в себя определенную совокупность критериев и параметров движения и качественных модификаций состояний системы в направлении постижения определенного образца – идеальнообразной модели действительности, что содержит триалектические составляющие: аксиологический нарратив, парадигмальный проект и праксеологический паттерн. Аттрактор, как «магнит» притяжение траектории движения системы в эквифинальном направлении целеполагания, предполагает нарастающую стохастичности состояний системы по мере приближения к цели. Это объясняется влиянием аттрактивной среды, генерирует вызовы-экстерналии, которые будоражат меняющиеся флуктуации, закрепляя изменения в памяти системы с целью дальнейшей минимизации энтропии в актах трудового целеполагания. Каждый опыт становления паттерна предполагает предварительно обуславливающие его аттрактивность, начиная от уровня меновых транзакций в поле катаксии и заканчивая структурными и институциональными изменениями всей экономической системы. Подчеркиваем еще раз: именно неидентифицированность аттракторов, провоцирующих экстерналии и активирующих порочные круги деструктивного отклонения от нормы в режиме мультифинальности замысла и результата, связывается нами с понятием спонтанного порядка. То есть, это не просто становление порядке без заранее определенной цели, а формирование системы на основе корректирующей роли латентных, неидентифицированных аттракторов, выявить которые можно только исследованием исторического и культурного континуумов развития экономической системы. А поскольку, возможность движения предполагает наличие биполярного пространства, то следует выявить те аксиологические нарративы, которые через поведенческие паттерны активируют контуры усиленной и ограничительной обратной связи, когда информация об изменениях, закреплена в памяти системы, стимулирует или тормозит волю к жизни как волю к переменам. Идентификация аттрактора предполагает идентификацию паттерна, который активирует контур обратной связи и воспроизводит деструктивную модель социального бытия.

Основное содержание

Результаты анализа исследований методологических основ экономических систем экономической наукой побудили нас к мысли, что всю совокупность существующих аттракторов экономических систем можно сгруппировать в две биполярные типы, каждый из которых по-другому исходит цель системы: эквифинальные и мультифинальные. Напоминаем, что первые стимулируют движение к единой унифицированной цели из различных исходных сред и стартовых условий, а вторые предусматривают достижение различных состояний из подобных стартовых условий. Квинтэссенцией эквифинальности и мультифинальности движения и развития экономических систем могут служить аттракторы рыночного фундаментализма и протекционистской автаркии. Биполярный подход к анализу аттрактивности парадигмальных и паттернальных проектов экономических систем применяли немало ученых, самым известным из которых был К. Маркс, который противопоставил паттернальный проект капитализма парадигмальному проекту коммунизма. Нами для анализа будет использовано: биполярный подход исследования теорий прогресса и экономического идеала С. Булгакова, бипарадигмальный проект современных экономических теорий А. Чухна, «прометеевский» и

«смитианский» типы экономических систем Д. Лала, социально-экономической теории статической и динамической эффективности Х. Уэрта де Сото.

С. Булгаков определял политическую экономию как прикладную этику экономической жизни, где императив приумножения богатства – основной закон, который проявляется в хозяйственных практиках в биполярном пространстве атрактивности между эпикурейством и аскетизмом. Эстетическое эпикурейство-продукт философии гедонизма-предполагает рафинированную чувственность как особую предпосылку роста количества экономических потребностей, вследствие чего активизируется экономическое давление на природу для возможности роста благосостояния. Гедонистическая наслаждение для С. Булгакова – это «плен духа» в «жизни без идеалов». С другой стороны, для «напуганного воображения аскета» жизнь – это зло, радость – грех, а следовательно, имеет место отрицание как политической экономии, так и материальной культуры в целом. С. Булгаков ставит вопрос так: есть человек (человечество, история) непредсказуемым следствием слепой внешней причинности без внутренней необходимости, человек и историческое человечество существует во имя нравственной цели? – это «основная дилемма философии политической экономии». Богатство – условие истории, а рост потребностей – это закон не только материального существования, но и духа. В экономическом мышлении, по мнению ученого, доминирует «механистические миропонимания механистической причинности» общественного бытия. Но «универсальное значение закона причинности... не может быть доказано опытом, который имеет дело всегда только с отрывками бытия». Таким образом, «логическую абстракцию» причинности, в дихотомическом режиме «потребности – возможности», «выдают за высшее существо», абсолютом, что приводит к «порочного круга»: смысл существования одних предопределяется другими на «зависших в воздухе аргументах». Суть теории прогресса, по мнению С. Булгакова, заключается в том, что «мертвый механизм неразумной причинности уступает место разумной целесообразности». Экономический идеал, за С. Булгаковым, оформляет «содержание абсолютного служения» и в этом заключается роль техники, инноваций и предпринимательства. Отсюда вытекает назначение хозяйства – быть «орудием самоутверждения жизни», то есть, «хозяйство – это функция жизни, сотворенного и существующего», в результате борьбы двух метафизических начал: жизни и смерти, свободы и необходимости, механизма и организма. Хозяйство – это процесс «очеловечивания природы». Следует отметить, что противопоставление органического и механического способов мировосприятия – это когнитивный маркер философии Серебряного века, представленный в произведениях В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Левицкого, П. Флоренского и др.

М. Бердяев выдвинул мысль о том, что еще " никто никогда не объяснил, как реальность бытия переходит в идеальность познания " прежде всего потому, что "причинность является категорией, касающейся мира феноменов и полностью непригодна к миру ноуменов"; она является "дробью истины «как элементом является» день нашей жизни". С одной стороны, «познавательный ум не может познать такое существование, которое не является объектом» ибо, как сказано в "Упанишадах": "Око мое не видит тебя, ибо ты-зрачок глаза моего", а с другой – в той мере, в какой наука познает истину-в ней отражается Логос, поэтому "каждое активное начало есть духовное начало". Истина — «это» торжество смысла Мира «раскрывающееся через» человеческий творческий акт духа".

Итак, путь познания «истины экономического идеала», собственно аттрактора, разворачивается в двух направлениях миропонимания: механистическом и органическом. В рамках этого дискурса идет поиск ответов на вопрос о том, чем является экономическая система:

органическим целым или механическим агрегатом? С. Левицкий писал: «Восходящее метафизический вопрос... выражается дилеммой: есть явление определенным целым, наделенным своеобразием, целенаправленностью и ценностью, оно может быть исчерпывающе объяснено как сумма внешних друг относительно друга элементов, то есть агрегат, который действует по законам механической причинности?». И далее: «исчерпывается Ли сущность культуры совокупностью сложных методов труда, средств производства, или она представляет собой органическое целое, проникнутое неповторимым стилем, в котором раскрывается идея данной культуры?». «Продукт хозяйства, – пишет С. Булгаков, – это предмет природы... что воплощает в себе субъективную цель, осуществляет заранее проектируемую в субъекте модель или идею», то есть, конституирован «хозяйственным логосом», что обуславливает «практическую уступчивость природы, ее рецептивность относительно задач и проектов я». Этот «хозяйственный логос» тесно связан с явлением аттрактивности, предопределяя структуру и тип экономической системы или как органическое целое, или как механический агрегат. Целое предполагает множественность и разнокачественность элементов и функций, которые составляют единство и синергически реализуют эмерджентный эффект целостностью структуры и целеустремленностью функций. Именно целеустремленность выступает динамическим проявлением организационного целого, сквозь который проглядывает определенный аттрактор – модель конечного желаемого состояния и проект оптимального, рационально осмысленного движения системы. Целенаправленная аттрактивных принципу динамическая свойство целого предполагает причинность как материал своего воплощения. Для органического целого механический автоматизм функций предусматривает высшую целесообразность и предварительную осмысленность. Зато в «мертвом, лишенном творческой мысли и разумного смысла движении нет живого начала», – замечает С. Булгаков. Разнокачественная множественность, которая синергически реализует эквифинальную цель, служит материалом воплощения единства, выраженной и данной в познание через идентифицированный путем системного анализа аттрактор. Каждая органическая система преодолевает вызовы на основе своего исторического базиса реакции, накопленного в памяти опыта, то есть противостоит энтропии не столько на уровне бытия, сколько на уровне сознания, и в этом заключается практическое значение исторических ресурсов культуры.

Для механической системы прошлое праксиологично бесценное, потому, высчитывая алгоритм движения, можно предвидеть судьбу каждой механической системы, где прошлое и будущее одинаково релевантные в модальностях актуализаций, что сводит на нет ценность любой рефлексии и значение любого опыта. Для органической системы история не только выявляет опыт преодоления вызовов в прошлом, чем обуславливает понимание причинности настоящего. История через этнокультурный символ конституирует временную разбалансированность бытия и сочетает свободу с необходимостью в актах целенаправленного творческого выбора.

В механических системах паттерны мыслимые в режиме математического однородного времени без качественных модификаций воплощение ценности в бытии, то есть без онтологии свободы. Механистическое мировосприятие, конституируемое рефлексией причинности, трактует прошлое как небытие. Если два события по времени не совпадают в единой точке своей актуализации, то следствие каждой причины – это другое состояние бытия, а причина – уже добычу Лети. Поэтому бытие – это чувственное проживание настоящего, сумма впечатлений и наслаждений лишь «здесь и теперь» между двух измерений небытия – прошлого и будущего. Но это и есть императив гедонизма и утилитаризма, где эгоизм – это единственная оправданная

побуждение к действию и где нет ни этического долга, потому что прошлое – это небытие, а настоящее – миг перед неотвратимостью «мертвой вечности прошлого и неизвестного и угрожающей вечности будущего». И эта безвременная мгновенность бытия перед преждевременной вечностью небытия всегда была предметом ужаса чувственной ментальности и предметом экзистенции и сублимации идеационной ментальности.

По В. Парето, может сложиться впечатление, что он является сторонником органической трактовки природы социально-экономических систем, когда пишет, что «равновесие социальной системы подобная равновесия живого организма... надо удивляться, что кто-то может понимать жизнь как состояние равновесия,... недвижности, когда в действительности жизнь есть движение!». Но дальше В. Парето пишет такое: «Экономическая система состоит из определенных молекул, которые приводятся в движение склонностями и вкусами... В экономической системе нелогичный элемент полностью зависит от вкусов, и на него не обращают внимания, ибо вкусы есть фактически заданы». И когда В. Парето говорит о детерминизме данностей, которые предопределяют движение, он обнаруживает себя адептом парадигмы статической эффективности, что следует из механистического мировоззрения, хотя перед тем убедительно сравнивал экономику с организмом. М. Блауг справедливо заметил, что маржиналистская теория общего равновесия оказалась в тупике», поскольку она «не углубила знания о том, как на самом деле функционируют экономические системы», прежде всего благодаря игнорированию динамического аспекта экономической эффективности, связанного с креативным потенциалом человека.

Х. Уэрта де Сото указывает на «один серьезный недостаток» экономической теории благосостояния. Этот «недостаток» вытекает из убеждения, что «индивидуальные шкалы полезности и те возможности, которые открываются перед каждым экономическим субъектом, заранее заданные, известные и неизменные дискретны», эффективность распределения которых происходит в соответствии с оптимумом Парето. А дальше идея статических ограниченных ресурсов в режиме ментальности механистического миропонимания сводится к трактовке экономических процессов как чисто технических: технологическая эффективность предполагает минимизацию производственных ресурсов в физическом смысле (например, тонн угля или баррелей нефти), а экономическая эффективность – то же самое только в смысле затрат – количество единиц ресурса умноженная на рыночную цену единицы. За то эти два процесса выглядят идентичными. Х. Уэрта де Сото пишет, что «статический подход в экономической теории сводит принцип экономической эффективности к технической проблеме максимизации». Но на самом деле основным критерием экономической эффективности является не статический, а динамический аспект, связанный с инновационной предпринимательской деятельностью, которая единственная может сдвигать кривую производственных возможностей вправо благодаря новому видению источников доходности. Итак, ключевым импульсом экономического развития служит человеческий фактор особого рода – когнитивный капитал. Если интеллектуальный капитал на основе механистической ментальности знает «как?» совместить техногенные дискретные факторы производства для минимизации энергетических потерь, то когнитивный капитал, понимая «для чего?» видит не только средства, но и, прежде всего, такую цель, которую перед собой к тому времени еще не ставил никто. Причем мотив прибыли не всегда предопределяющий, ведь, как писал Э. Тоффлер, никогда точно не известно когда в голову ученому придет инновационная идея. Для этого типа людей, которые, по выражению Й. Шумпетера, «наслаждаются риском», творческая деятельность является имманентным побуждением, а не меркантильно обусловленной жадой,

что сближает их, как констатировал Н. Кастельс, больше с художниками, чем с бизнесменами.

На первый взгляд культура и экономика имеют разные предметы исследования, которые не пересекаются: «Культура обозначает наследственные структуры, присущие коллективным идентичностям, а экономическая наука изучает процессы принятия решений универсальными, рациональными индивидами». Но на самом деле общего много: во-первых, существует так называемая «культура экономистов» – продукт деятельности сообщества экономистов в рамках социального контекста с использованием соответствующих смыслов, символов и норм, и имитирована на основе естественных наук, объектом которой служит поведенческий паттерн рационального индивида, а любой паттерн – культурное явление. Во-вторых, по мнению П. Бурдьё, экономические структуры являются результатом целенаправленных усилий экономических агентов, являющихся субъектами "точек силы", а структура экономической системы — это квинтэссенция их воли. Эти субъекты руководствуются определенным набором убеждений, воссоздавая мир в виде «зеркального отражения экономической мысли: мира без коллективов, где все, что имеет значение, – это реализация частных интересов». То есть, видим фактор ментальной идентичности, обуславливающая синергию волю по воспроизводству определенной модели мира, а это – функция культуры. В-третьих, экономическая деятельность строится на договорных отношениях в форме юридических репрезентаций прав и обязанностей, что предопределяет существование такого явления как «стратегическая идентичность». Индивиды договариваются и заключают взаимосогласованы и взаимовыгодные контракты, исходя из собственных интересов в мультикультурном пространстве. То есть, само условие возможности договора предусматривает идентичность смыслов, значений и символов в интерпретации существующего образа мира и желаемого как реальность в актах экономических отношений экономических субъектов. А это означает, что «каждый параметр социальной реальности трактуется как неотъемлемая составляющая того социума, который определяется как культура... любое явление- это культура». В-четвертых, культура – это «система фильтров, что определяет выбор по взаимному согласию», то есть в режиме промежуточных целей, когда нет смысла затраты дополнительных усилий на рациональное осмысление поступка. Эту функцию обеспечивают институты – коллегиальные поведенческие паттерны, которые конституируют цели как средства высших целей. А это означает аттрактивность поведенческого паттерна экономической деятельности.

Вообще-то, каждый паттерн аттрактивным, потому что имеет свой принцип в ментальности, где имплицитно существует образ желаемой действительности как набор ценностей (то есть, индивидуальный культурный паттерн), а также существует коллективный образец совокупности способов достижения индивидуальных целей интегральным взаимодействием субъектов (коллективный поведенческий паттерн), устраняя противоречия и согласовывая мотивации. Поэтому каждая форма порядка, возникшая синергически, обусловлена аттрактивно.

Заключение

Экономическую науку можно трактовать как культурный артефакт эпикурейского аксиологического нарратива, воплощенного в утилитаристском парадигмальном проекте капиталистического рыночного общества. Поведенческий паттерн современного общества массового потребления – это симулякр атараксии– стремление духовной безмятежности, где «эффект эндаумента» («арифметика удовольствия») вытесняется «архитектурой выбора»

(навязываемым образом потребности и возможностью доступа к благу, где интерес «архитектора» замаскировано под интерес рыночного актера).

Или предопределяется экономика другими источниками атрактивности, кроме утилитаристско-гедонистических нараций, оформленных в поведенческие паттерны рационально действующего индивида, и какое к этому отношение имеет российская действительность, рассмотрим в следующих разделах.

Библиография

1. Alderson, W. 1965. *Dynamic marketing behavior: A functionalist theory of marketing*. Homewood, IL: Richard D. Irwin, Inc.
2. Amin, A. and F. Wilkinson (eds.), 1999, 'Special Issue on Learning, Proximity and Industrial Performance', *Cambridge Journal of Economics* 23(2), 121–260.
3. Baumol, W.J. 2002. *The free market machine: Analyzing the economic growth of capitalism*. Princeton: Princeton University Press.
4. Beligman, Ben (1968), *Key trends of modern economic thought*, Progress Publishing, Moscow, 600 p. (rus).
5. Chukhno A.A. (2006), *Works: In three volumes. Volume 2. Information postindustrial economy: theory and practice*, National University Press, 512 p. (ukr).
6. Conklin, David W. (1991), *Comparative Economic Systems*, Cambridge University Press, 427 p.
7. Dallago B., Mittone L. (eds.), 1996, *Economic Institutions, Markets and Competition. Centralisation and Decentralisation in the Transformation of Economic Systems*, Cheltenham: Edgar Elgar.
8. Dallago, B. and R. McIntyre (eds.), 2000, *Great Hopes and Mixed Achievements: SMEs in Transitional Economies*, Oxford and Helsinki: Oxford University Press and UNU/WIDER.
9. Frolov I.T., ed. (1987), *Philosophical dictionary*, 5th edition, Politizdat, Moscow, 590 p. .
10. Fujita, M. , P. Krugman , and A.J. Venables. 1999. *The spatial economy: Cities, regions, and international trade*. Cambridge, MA: MIT Press.
11. Gabriele A. and Schettino Fr. (2007), *Market socialism as a distinct socioeconomic formation internal to the modern mode of production*, Munich Personal RePEc Archive, available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/7942/>.
12. Galbraith J. (1976), *Economic theory and goals of the company*, Progress Publishing, Moscow, available at: http://www.e-reading.club/bookreader.php/70508/Gelbreit_Ekonomicheskie_teorii_i_celi_obshchestva.html.
13. Hunt, S.D. 1977. *The three dichotomies models of marketing: An elaboration of the issues*. In *Macromarketing: Distributive processes from a societal perspective*, ed., C. C. Slater , 52-6. Boulder, CO: Business Research Division , University of Colorado.
14. Iansiti, M. , and R. Levien. 2004. *The keystone advantage-What the new dynamics of business mean for strategy, innovation and sustainability*. Boston, MA: Harvard Business School Press .
15. Jossa, B. and U. Pagano (eds.), 1997, *Economie di Mercato ed Efficienza dei Diritti di Proprietà*, Turin: Giappichelli Editore.

Socio-cultural sphere as the environment and goal of economic systems development

Al'bert A. Tochiev

Bachelor,
Moscow University of Finance and Law,
117342, 1-a, Vvedenskii lane, Moscow Russian Federation;
e-mail: al_tchv@mail.ru:

Abstract

Today, it is no longer enough to assert the ecumenism of the Anglo-Saxon socio-cultural pattern of utilitarian homoeconomics, which weighs alternatives to maximizing benefits in conditions of

full awareness due to the price signature of a free, open and transparent market as a universal model – a single prototype of a person for each country in transition, which should guarantee the success of reforms and growth of welfare. Not the most influential resource of development in praxeological practices is the culture itself, which is the implicit content of rationality of thinking, because (according to representatives of behavioral Economics) it is possible to rationally maximize utility in the conditions of alternative praxeological acts, while considering the counterparty a fool. Cultural mentality causes preference in conditions of limited rationality, where the choice is often axiologically narrative with elements of attractiveness, rather than refined thirst. Theoretical research on the socio-cultural implications of economic systems and cultural narratives of economic transformations are gaining absolute relevance and empirical significance, especially in the context of challenges for the economies of transition societies.

For citation

Tochiev A.A. (2020) Sotsial'no-kul'turnaya sfera kak sreda i tsel' razvitiya ekonomicheskikh system. [Socio-cultural sphere as the environment and goal of economic systems development]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 10 (4A), pp. 297-304. DOI: 10.34670/AR.2020.46.69.036

Keywords

Integral function, three-vector movement, economic system, goal, environment.

References

1. Alderson, W. 1965. Dynamic marketing behavior: A functionalist theory of marketing. Homewood, IL: Richard D. Irwin, Inc.
2. Amin, A. and F. Wilkinson (eds.), 1999, 'Special Issue on Learning, Proximity and Industrial Performance', Cambridge Journal of Economics 23(2), 121–260.
3. Baumol, W.J. 2002. The free market machine: Analyzing the economic growth of capitalism. Princeton: Princeton University Press.
4. Beligman, Ben (1968), Key trends of modern economic thought, Progress Publishing, Moscow, 600 p. (rus).
5. Chukhno A.A. (2006), Works: In three volumes. Volume 2. Information postindustrial economy: theory and practice, National University Press, 512 p. (ukr).
6. Conklin, David W. (1991), Comparative Economic Systems, Cambridge University Press, 427 p.
7. Dallago B., Mittone L. (eds.), 1996, Economic Institutions, Markets and Competition. Centralisation and Decentralisation in the Transformation of Economic Systems, Cheltenham: Edgar Elgar.
8. Dallago, B. and R. McIntyre (eds.), 2000, Great Hopes and Mixed Achievements: SMEs in Transitional Economies, Oxford and Helsinki: Oxford University Press and UNU/WIDER.
9. Frolov I.T., ed. (1987), Philosophical dictionary, 5th edition, Politizdat, Moscow, 590 p. .
10. Fujita, M. , P. Krugman , and A.J. Venables. 1999. The spatial economy: Cities, regions, and international trade. Cambridge, MA: MIT Press.
11. Gabriele A. and Schettino Fr. (2007), Market socialism as a distinct socioeconomic formation internal to the modern mode of production, Munich Personal RePEc Archive, available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/7942/>.
12. Galbraith J. (1976), Economic theory and goals of the company, Progress Publishing, Moscow, available at: http://www.e-reading.club/bookreader.php/70508/Gelbreit_Ekonomicheskie_teorii_i_celi_obshchestva.html.
13. Hunt, S.D. 1977. The three dichotomies models of marketing: An elaboration of the issues. In *Macromarketing: Distributive processes from a societal perspective*, ed., C. C. Slater , 52-6. Boulder, CO: Business Research Division , University of Colorado.
14. Iansiti, M. , and R. Levien. 2004. The keystone advantage-What the new dynamics of business mean for strategy, innovation and sustainability. Boston, MA: Harvard Business School Press .
15. Jossa, B. and U. Pagano (eds.), 1997, *Economie di Mercato ed Efficienza dei Diritti di Proprietà*, Turin: Giappichelli Editore.